

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-1-41-49

НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: РОЛЬ ФАКТОРОВ ДОВЕРИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗМА

К. А. Крикунов

Крикунов Кристина Александра, аспирантка школы по политическим наукам,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: kristina.krikunov@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-5305-246X. ResearcherID: U-5458-2018).

Аннотация

Одной из важных задач антикоррупционной политики является не только выявление фактов коррупции и наказание за уже совершенные правонарушения, но и внедрение превентивных мер, минимизирующих риски коррупционного поведения, в частности системы регулирования конфликта интересов. Эта система включает различные меры, начиная от запрета или ограничений на получение должностными лицами подарков и заканчивая внедрением периода охлаждения при переходе государственного служащего в частный сектор. В общем виде все меры регулирования конфликта интересов могут быть отнесены к трем базовым моделям: модель запретов, модель профессиональной культуры и адаптационная модель. Эти модели будут рассмотрены в статье. Предыдущие исследования, изучающие регулирование конфликта интересов, преимущественно отдавали предпочтение институциональному объяснению. Цель данной статьи – оценить эффективность моделей регулирования конфликта интересов через призму неинституциональных факторов. В связи с этим одним из источников данных были результаты опроса Всемирного обзора ценностей, в частности данные по уровням индивидуализма и доверия в обществе. Результаты множественного регрессионного анализа частично подтвердили гипотезу о том, что модель профессиональной культуры в условиях высокого уровня доверия и индивидуализма справляется с регулированием конфликта интересов лучше, чем другие модели. Однако полученные результаты дают основание для проведения дальнейших исследований с целью построения более комплексной стратегии регулирования конфликта интересов, исходя из различных внешних и внутренних условий.

Ключевые слова: конфликт интересов; коррупция; антикоррупционная политика; государственная служба; эффективность государственной политики; Всемирный обзор ценностей; множественный регрессионный анализ.

Важность изучения конфликта интересов связана с рядом причин и основная из них – это возрастание рисков коррупционного поведения должностных лиц в случае, если конфликт интересов не урегулирован. Стоит отметить, что эта проблема характерна не только для государственного, но и для частного сектора. Однако регулирование поведения публичных должностных лиц имеет ряд отличительных черт: ограниченный выбор стратегий, обусловленный правовой и организационной спецификой; заведомо более высокие ожидания со стороны граждан, а также более широкий круг компетенций должностных лиц, связанный со служением общественным интересам (Bossaert & Demmke, 2005). Иными словами, регулирование конфликта интересов – это вопрос уровня доверия граждан к политической системе, возможность сокращения «доверительного разрыва» между гражданами и государством, препятствующего развитию демократии (Lipset & Schneider, 1987; Toth, 2015). В свою очередь, эффективно выстроенное регулирование конфликта интересов в перспективе не только повышает прозрачность системы, но и потенциально снижает ее бюрократизированность (Feldheim, 2004).

Научные исследования, посвященные проблематике конфликта интересов, преимущественно направлены на изучение внешней среды и ее влияния на эффективность антикоррупционной политики. Особое внимание ученые уделяют такому фактору, как уровень институционального развития, и сходятся во мнении о том, что с повышением качества институтов повышается эффективность антикоррупционного регулирования (Tanzi, 1998). Кроме того, в зависимости от уровня развития полити-

ческих и экономических институтов с разной степенью эффективности будут работать меры и модели регулирования конфликта интересов (Крикунов, 2019).

Однако стоит отметить, что фокус предыдущих исследований оказывается несколько смещенным в сторону институционального объяснения, что искусственно сужает исследовательское поле. Качество институтов является значимым, но не единственным фактором, который связан с эффективностью антикоррупционной политики в части правоприменения. К примеру, традиция «гуаньси» в Китае (способ установления доверительных отношений между людьми, выражающийся в дарении подарков, помощи с работой, покровительстве и др.) усложняет внедрение такой меры регулирования конфликта интересов, как запрет на получение подарков должностными лицами (Lee, 2018). Грань между гуаньси и бюрократической коррупцией оказывается очень тонкой, что ставит перед исследователями и законодателями вопрос: возможно ли путем формального регулирования запретить существующую традицию установления социальных связей или нужно использовать другие меры регулирования конфликта интересов?

Таким образом, цель этого исследования – поиск ответа на вопрос, как связаны такие неинституциональные факторы, как ценности, разделяемые обществом, с эффективностью регулирования конфликта интересов? И почему некоторые меры регулирования конфликта интересов в одних странах оказываются более эффективными, чем в других?

Причины возникновения коррупционного поведения

В научном дискурсе существует несколько подходов к тому, что считать причиной возникновения неэтичного поведения, связанного с конфликтом интересов и коррупцией. В целом эти исследования могут быть отнесены к двум основным группам: исследования коррупции и конфликта интересов на микроуровне, когда внимание уделяется специфике организационной структуры и управлению, и исследования макроуровня, в основе которых лежат внешние факторы, не зависящие напрямую от организации.

Одним из примеров теории микроуровня является теория «плохого яблока», которая объясняет возникновение коррупционного поведения как следствия пребывания в организации недобросовестных членов, на которых негативно влияет конкуренция и внешние стимулы (De Graaf, 2007), а они в свою очередь оказывают негативное воздействие на своих коллег (Trevino & Youngblood, 1990). Кроме того, воспринимаемая членами организации справедливость напрямую связана с их поведением. Государственные служащие, сравнивая себя с другими членами по критерию распределения ресурсов, участия или коммуникации, оценивают организацию как справедливую или несправедливую (Baldwin, 2006), и чем более несправедливой воспринимается организация, тем выше склонность государственных служащих к неэтичному поведению (De Schrijver et al., 2010).

Другие авторы указывают, что риски, связанные с неэтичным поведением государственных служащих, возрастают в связи с переходом на новые модели государственного управления (например, New Public Management), которые внедряют методы управления частным сектором в государственную сферу, выступают за децентрализацию и увеличение дискреционных полномочий (Hood, 1991; Demmke & Moilanen, 2012). К примеру, Айд выводит формулу коррупции в публичном секторе, утверждая, что она является следствием трех факторов: дискреционной власти должностных лиц, экономической ренты и слабых административных институтов (Jain, 2002; Aidt, 2003). Все это нарушает сложившиеся ценности идеальной веберовской бюрократии вследствие смещения акцента с коллективности и строгой иерархичности в сторону самостоятельности и инициативности. Это может привести к асимметрии информации и связанной с ней проблеме принципал-агентских отношений, когда агенты (публичные должностные лица) начинают действовать в своих интересах, а не в интересах общества (Teixeira et al., 2015).

В свою очередь, исследования макроуровня ставят во главу угла внешние особенности системы, которые становятся благоприятными или, напротив, неблагоприятными условиями для возникновения коррупции на разных уровнях. В этой связи наибольшее исследовательское внимание уделено институциональным составляющим системы как фактору, определяющему эффективность проведения антикоррупционной реформы и регулирования конфликта интересов. К примеру, внедрение рыночных механизмов минимизирует риски монополизации экономики и сокращает уровень коррупции (Alam, 1995; Coolidge & Rose-Ackerman, 1999; Acemoglu & Verdier, 2000), а прозрачная система государственной службы препятствует появлению коррупции как «смазочного механизма» внутри неработающей бюрократической системы (Hoetjes, 1982; Tanzi, 1998; Molinari, 2014).

Еще одним направлением являются режимные исследования, направленные на поиск взаимосвязи между уровнем коррупции и свободой СМИ (Mungiu-Pippidi, 2011; Kalenborn & Lessmann, 2013; Bhattacharyya & Hodler, 2015), уровнем развития гражданского общества и соблюдением личных прав и свобод (Treisman, 2007). Такие исследования, однако, неоднократно подвергались критике, во многом из-за того, что свобода прессы, гласность, подотчетность и другие составляющие демократического режима могут оказаться неэффективными без общественного запроса на изменения (Rose-Ackerman, 1978). Из этого следует, что для снижения стимулов к возникновению коррупционного поведения необходимы соответствующие культурные нормы и стандарты честности и объективности.

Существующие эмпирические исследования во многом подтверждают значимость ценностного фактора. К примеру, виды коррупции и плотность ее распространения зависят от отношения людей к коррупции и их готовности стать коррумпированными (Della Porta & Pizzorno, 1996). Иными словами, коррупция предопределяется не структурными факторами, а планкой моральной цены участия в коррупционных деяниях (Sadigov, 2018). Заданный политической культурой поведенческий репертуар регулирует поведение индивидов, и эти установки позволяют действовать конкретным образом (Sandholtz & Koetzle, 2000). Ярким примером, иллюстрирующим репертуар действий, является институт осведомительства (whistleblowing) как один из механизмов регулирования конфликта интересов. В одних системах осведомительство о фактах коррупции и другого неэтичного поведения должностных лиц является социально одобряемым, а осведомитель позиционируется как защитник общественных интересов. В других же системах осведомительство считается «стукачеством», вмешательством «не в свое дело» и порицается (Bouville, 2008). Это одна из причин, почему культурные факторы необходимо учитывать при внедрении антикоррупционной политики: принятые без учета поведенческого репертуара меры просто не будут работать.

Более поздние исследования расширяют культурный подход, сочетая его с иными структурными факторами. Основная логика этого исследовательского подхода в том, что репертуар ориентаций может быть одним и тем же, но различные условия и стимулы могут порождать различные формы поведения. К примеру, если должностное лицо, чья социализация прошла в условиях неприятия коррупции, попадает в систему, где коррупция распространена и считается культурным обычаем, оно становится подвержено влиянию окружения и признанного лидера (Uslaner, 2004; Boly & Gillanders, 2017). Подобная логика свойственна не только коррумпированным чиновникам, но и взяточдателям. Исследование Садигова, упомянутое ранее, показало, что потенциальные взяточдатели руководствуются модальностями, связанными с преобладанием неформальных способов решения проблем, следованием принципам фатализма и слабым интересом к общественной жизни (Sadigov, 2018).

Помимо роли окружения в исследованиях также тестируется взаимосвязь таких переменных, как уровень коррупции и преобладание ценностей индивидуализма, дистанцированность общества от власти и уровень общественной неопределенности и доверия (Husted, 1999; Scholl & Schermuly, 2020). В основе этих исследований лежит идея, что общества атомизированного типа с плохо развитыми горизонтальными связями и низким уровнем социального доверия наиболее подвержены возникновению низовой и бюрократической коррупции. В отношениях с властью подобные общества не могут обеспечить общественный контроль из-за высокого уровня аполитичности, что повышает риски распространения коррупционного поведения среди публичных должностных лиц. К примеру, преобладание в обществе коллективистских ценностей повышает риски возникновения кумовства и фаворитизма на государственной службе, поскольку социальная принадлежность к группе становится приоритетным фактором для рекрутирования элиты. Особенно остро эта проблема стоит для государств, которые строят антикоррупционное законодательство по модели профессиональной культуры (Rohr, 1978; Maesschalck, 2004).

В данном исследовании мы тоже фокусируем внимание на таких неинституциональных факторах, как уровень доверия и уровень индивидуализма в обществе, чтобы попытаться перенести уже полученные теоретические результаты в плоскость практического антикоррупционного регулирования и оценки эффективности тех или иных моделей регулирования конфликта интересов в обществах различного типа.

Описание базы данных

Оценить эффективность регулирования конфликта напрямую невозможно, поскольку механизмы регулирования в этой сфере направлены на предотвращение фактов коррупции, а не на наказание

за уже совершенные правонарушения. В случае правильно выбранной законодательной рамки и успешного правоприменения будут сокращаться возможности для возникновения бюрократической коррупции. На основании этого в качестве зависимой переменной в данном исследовании был использован составной индекс восприятия коррупции – Байесовский индекс коррупции (The Bayesian Corruption Index – BCI) – за 2012–2017 гг.¹. В основе индекса 17 опросов и 110 вопросов о воспринимаемом уровне коррупции. В качестве респондентов выступают как жители страны, так и представители бизнеса, некоммерческих организаций, а также государственные служащие.

Байесовский индекс коррупции имеет ряд отличительных характеристик от других индексов, измеряющих коррупцию. Первое отличие – это неменяющаяся методология, что позволяет проводить сравнительные исследования во временной динамике. Во-вторых, значения индекса BCI лежат в пределах от 0 до 100, при этом увеличение индекса соответствует росту уровня коррупции в стране. К примеру, когда индекс равен единице, это иллюстрация того, что восприятие коррупции настолько негативно, насколько это возможно в соответствии с масштабом. Это отличает байесовский индекс, например, от WGI (Worldwide Governance Indicators от Всемирного банка), где масштабирование относительное.

Базовой независимой переменной в исследовании являлся тип модели регулирования конфликта интересов, где 1 – integrity-based (*модель профессиональной культуры*); 2 – compliance-based (*модель следования правилам*); 3 – адаптационная модель. Данные для анализа были взяты из собранной базы по 20 странам, внедрившим антикоррупционное регулирование, в частности, в сфере регулирования конфликта интересов². В первую группу вошли страны (Австралия, Италия, Канада, Норвегия), ориентирующиеся на integrity-based модель, или модель профессиональной культуры, в законодательстве которых преобладают меры осведомительства, политической нейтральности государственных служащих, регулирования трудоустройства после увольнения и др. (Крикунов, 2019). Руководящим принципом регулирования конфликта интересов в модели профессиональной культуры является повышение ценностных стандартов государственных служащих, а основной контроль осуществляется внешним способом через публичное декларирование и подотчетность.

Compliance-based модель, напротив, основана на мерах запрета, за нарушение которых предусматривается уголовная ответственность. Наиболее распространенными мерами этой модели являются регулирование получения подарков должностными лицами, а также ограничения на найм родственников в прямую подотчетность, совместительство, запрет на разглашение служебной информации и создание системы непубличного декларирования (Крикунов, 2019). В нашей выборке к этой группе были отнесены Индия, Казахстан, Китай, Сингапур, Турция, Южная Корея и Япония.

В свою очередь, адаптационная модель сочетает в себе меры из модели профессиональной культуры и модели запретов. Ее основная цель – точечное решение проблем, связанных с коррупционным поведением на разных уровнях (Крикунов, 2019). Странами, использующими адаптационную модель, являются Бразилия, Великобритания, Германия, Испания, Россия, США, Финляндия, Франция и Швейцария.

Независимыми переменными в данном исследовании выступали переменные неинституционального характера, а именно уровень доверия (wvs_trust) и уровень индивидуализма (wvs_individ) в среднем по стране. Выбор этих переменных, как было упомянуто выше, связан с тем, что современные исследования одной из причин возникновения коррупции называют недостаток общественного доверия, как между людьми, так и между обществом и государством (Scholl & Schermuly, 2020). Эта же логика справедлива для уровня индивидуализма. В обществах с доминированием ценностей индивидуализма преобладает принцип меритократии, а не фаворитизма и кумовства, что создает более благоприятную почву для антикоррупционного регулирования (Huberts, 2010).

Данные по этим переменным были взяты из проекта World Value Survey (далее – WVS) – мирового опроса, направленного на изучение ценностей, мотивации и отношения людей к различным явлениям общественной жизни. WVS состоит из национальных опросов более ста стран, при этом для стран Европы проводится отдельное направление исследований – European Values Study, из которого также были взяты данные для нескольких стран из рассматриваемой выборки. World Value Survey насчитывает семь волн исследований с 1981 по 2021 гг. Каждая последующая волна включает в себя предметные области предыдущих волн и периодически расширяет опросник с целью изучения новых явлений. В этой работе были использованы результаты шестой волны исследова-

¹The Bayesian Corruption Index. URL: <https://users.ugent.be/~sastanda/BCI/BCI.html> (accessed 16 May 2023).

² Данные по страновой базе могут быть представлены по запросу. – *Прим. автора.*

ний (2010–2014 гг.), а для европейских стран – пятой (2017), поскольку страновые данные по ней более полные по сравнению с последующей волной.

Для измерения уровня доверия был взят вопрос «*Насколько Вы доверяете людям, с которыми встретились в первый раз?*» (“*How much you trust people you meet for the first time?*”), где по шкале Лайкерта 1 – доверяю полностью (Trust completely), 2 – доверяю частично (Trust somewhat), 3 – особо не доверяю (Don’t trust very much) и 4 – не доверяю совсем (Don’t trust at all)¹. В рамках нашего исследования показатели были нормированы от 0 до 1.

При измерении уровня индивидуализма в европейских странах использовался вопрос «*Для него важно принимать самостоятельные решения касательно того, что он делает. Он любит быть свободным и ни от кого не зависеть*» (“*It’s important to him to make own decisions about what he does. He likes to be free and do not depend on others*”)². Измерения также построены по шкале, где 1 – это точно на меня похоже, а 6 – это совсем не я.

В качестве контрольных переменных были отобраны переменные по показателю человеческого капитала и уровню урбанизации. Согласно исследованиям, высокий уровень образования положительно влияет на снижение уровня коррупции, что объясняется формированием гражданского общества и обеспечением системы политической подотчетности (Tran, 2008). В нашем исследовании человеческий капитал измерялся с помощью Human Development Index, (переменная egov_hci), который включает четыре компонента: уровень грамотности среди взрослого населения, общий охват по начальному, среднему и высшему образованию; ожидаемые годы обучения и средняя продолжительность обучения³.

Для измерения уровня урбанизации (wdi_popurb) взят показатель доли городского населения по данным от Всемирного банка⁴. Выбор переменной также обоснован имеющимися исследованиями, которые утверждают, что городская среда более благоприятна для предотвращения коррупционных практик из-за более широкого распространения автоматизированных процедур, а также простоты и прозрачности регулирования (Goel & Nelson, 2010). Описательные статистики для рассмотренных переменных представлены в табл. 1.

Таблица 1

Описательные статистики

Переменная	Номер	Ср.	Стд. откл.	Мин.	Перцентиль 0,25	Перцентиль 0,75	Макс.
Байесовский индекс коррупции	117	0,316	0,168	0,082	0,167	0,457	0,621
Уровень доверия	117	0,392	0,121	0,071	0,332	0,473	0,631
Индивидуализм	117	0,778	0,101	0,558	0,754	0,835	0,942
Индекс человеческого развития	117	0,841	0,108	0,470	0,834	0,902	1,000
Доля городского населения	117	76,843	14,062	31,634	73,739	84,841	100,000

Результаты анализа

В рамках исследования были сформулированы следующие гипотезы:

H1: С увеличением уровня общественного доверия снижается уровень коррупции.

H2: С увеличением уровня индивидуализма в обществе снижается уровень коррупции.

H3: При высоком уровне доверия и индивидуализма эффективнее регулировать конфликт интересов будет модель профессиональной культуры (integrity-based).

В качестве единиц анализа рассматриваются страны во временной перспективе (важно отметить, что в Казахстане антикоррупционное регулирование впервые было закреплено в 2015 г.). При этом с учетом инвариантности уровня доверия и изменения лишь отдельных мер регулирования конфликта интересов по рассматриваемым странам в рамках указанного временного периода

¹ The World Value Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (accessed 16 May 2023).

² The European Values Study. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu> (accessed 16 May 2023).

³ Human Development Index. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (accessed 16 May 2023).

⁴ Urban Population. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (accessed 16 May 2023).

был сделан выбор в пользу модели множественной линейной, а не панельной регрессии. Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Переменная	Байесовский индекс коррупции (от 0 до 1)			
	OLS			
	1	2	3	4
Уровень доверия	-0,65 ^{***}		-0,10	-0,32 ^{***}
	(0,11)		(0,12)	(0,09)
Индивидуализм		-1,03 ^{***}	-1,09 ^{***}	-0,75 ^{***}
		(0,12)	(0,25)	(0,17)
Модель следования правилам			-0,83 ^{**}	-0,06
			(0,30)	(0,25)
Адаптационная модель			0,11	0,34 [*]
			(0,22)	(0,16)
Индекс человеческого развития				0,29
				(0,20)
Доля городского населения				-0,01 ^{***}
				(0,001)
Индивидуализм *			1,18 ^{**}	0,15
Модель следования правилам			(0,37)	(0,33)
Индивидуализм *			-0,13	-0,42 [*]
Адаптационная модель			(0,27)	(0,20)
Константа	0,57 ^{***}	1,11 ^{***}	1,16 ^{***}	1,38 ^{***}
	(0,05)	(0,10)	(0,19)	(0,17)
Число наблюдений	117	117	117	117
R ²	0,22	0,38	0,54	0,79
Скорректированный R ²	0,21	0,38	0,51	0,77
Ошибки	0,15 (df = 115)	0,13 (df = 115)	0,12 (df = 110)	0,08 (df = 108)
F-статистика	32,69 ^{***} (df = 1; 115)	71,81 ^{***} (df = 1; 115)	21,52 ^{***} (df = 6; 110)	50,47 ^{***} (df = 8; 108)
Примечание:	* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$			

Обратимся к модели 1. Это базовая модель, где проверяется взаимосвязь между уровнем коррупции и уровнем общественного доверия. Значимый отрицательный коэффициент дает нам основание говорить о том, что в системах с высоким уровнем доверия в обществе наблюдается более низкий уровень коррупции. В модели 2 тестируется другая неинституциональная переменная, а именно уровень индивидуализма в стране. В данном случае мы наблюдаем схожие результаты, что с повышением уровня индивидуализма в обществе уровень коррупции снижается. Модель 3 более сложная, поскольку в нее были включены сразу два неинституциональных фактора, а также закодированные модели регулирования конфликта интересов. В данном случае модель следования правилам (compliance-based) значимо влияет на снижение уровня коррупции в сравнении с моделью профессиональной культуры (integrity-based). Однако, и это важно в рамках нашего исследования, сочетание высокого уровня индивидуализма и модели следования правилам может приводить к росту уровня коррупции в сравнении с комбинацией «высокий уровень индивидуализма + integrity-based регулирование», относительно которой строилась модель 3. Иными словами, в системах, где наблюдается достаточно высокий уровень индивидуализма, меры запрета (например, запрет на

найм родственников и совместительство) могут работать хуже, чем меры по повышению культуры государственных служащих.

Заключительная модель 4 подтверждает результаты по значимости уровня доверия и индивидуализма. Коэффициент при контрольной переменной, связанной с уровнем урбанизации, ясно указывает на отрицательную взаимосвязь с уровнем коррупции. При этом неоднозначные (хотя и статистически незначимые) результаты демонстрирует показатель человеческого капитала. Согласно полученному коэффициенту, в обществах с высоким уровнем человеческого капитала может наблюдаться более высокий уровень коррупции. Вероятнее всего, это объясняется спецификой страновой базы, так как в выборку попали преимущественно страны с относительно высоким или средним индексом человеческого развития. Более того, сочетание модели следования правилам и уровня индивидуализма, согласно модели 4, оказывается неустойчивым: модель следования правилам и адаптационная модель во взаимодействии с уровнем индивидуализма оказываются неустойчивыми с точки зрения статистической значимости, фактически меняясь друг с другом местами. Это позволяет утверждать, что для успешного регулирования конфликта интересов и антикоррупционной политики в целом важнее сам факт наличия высокого уровня индивидуализма и доверия в системе, а не взаимодействие этих неинституциональных факторов с той или иной моделью регулирования конфликта интересов.

Вместе с тем следует отметить ряд ограничений данного исследования. Первая проблема, с которой так или иначе сталкиваются все исследователи, изучающие коррупцию, – латентность этого явления. По этой причине мы делаем некое допущение, когда речь идет о снижении или повышении уровня коррупции, поскольку формально меняется именно уровень восприятия коррупции. Кроме того, исследование построено на относительно небольшой выборке стран. Во многом это связано со сложностью сбора данных, поскольку не все страны имеют законодательство в сфере регулирования конфликта интересов, при этом часть из них вводило регулирование недавно, что не позволяет оценить его влияние на уровень коррупции. По этой причине для проведения регрессионного анализа было увеличено количество наблюдений за счет панельных данных по странам, взятых за период 2012–2017 гг.

* * *

Цель этого исследования сводилась к попытке ответить на вопрос, как такие неинституциональные факторы, как уровень доверия в обществе и уровень индивидуализма, связаны с эффективностью регулирования конфликта интересов. Первые полученные выводы о том, что с повышением уровня доверия и уровня индивидуализма снижается общий уровень коррупции, согласуются с предыдущими исследованиями в этой области. Вторая, более прикладная задача заключалась в оценке эффективности регулирования конфликта интересов исходя из разных моделей и наборов мер. Согласно нашей гипотезе, при высоком уровне доверия и индивидуализма эффективнее регулировать конфликт интересов будет модель профессиональной культуры (*integrity-based*), которая основана на системе осведомительства и публичного декларирования, а также политической нейтральности государственных служащих. Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу скорее в том отношении, что *compliance-based* модель, основанная на жестких формальных запретах и санкциях, демонстрирует меньшую успешность в снижении коррупции в обществах с высоким уровнем индивидуализма и доверия.

При этом важно отметить, что результаты по моделям регулирования конфликта интересов неустойчивы и требуют дальнейшего подтверждения, например, путем расширения страновой выборки. Однако уже на данном этапе однозначно можно сделать вывод о том, что обе модели эффективнее снижают уровень коррупции именно в условиях высокого уровня доверия и индивидуализма. Иными словами, страны с подобными неинституциональными характеристиками могут быть более успешны в проведении антикоррупционной политики, чем системы с низким уровнем доверия и распространением коллективистских ценностей. Полученные выводы позволят более эффективно выстраивать антикоррупционное регулирование еще на этапе законотворчества и повысить эффективность государственной политики.

Список литературы / References

- Крикунов, К. (2019) 'Факторы эффективности мер регулирования конфликта интересов: опыт качественного сравнительного анализа', *Бизнес. Общество. Власть*, 1, сс. 51–66. [Krikunov, K. (2019) 'Factors of effectiveness of measures to regulate conflicts of interest: experience of qualitative comparative analysis' ['Faktoiry jeffektivnosti mer regulirovanija konflikta interesov: opyt kachestvennogo sravnitel'nogo analiza'], *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*, 1, pp. 51–66. (In Russ.)]
- Acemoglu, D., Verdier, T. (2000) 'The choice between market failures and corruption', *American economic review*, 1, pp. 196–198.
- Ackerman, S. (1978) *Corruption: A study in political economy*. Nova Iorque: Academic Press.
- Aidt, T. (2003) 'Economic analysis of corruption: a survey', *The Economic Journal*, 113 (491), pp. 636–639.
- Alam M. (1995) 'A theory of limits on corruption and some applications', *Kyklos*, 48, pp. 419–435.
- Baldwin, S. (2006) '*Organisational justice*', Brighton: Institute for Employment Studies.
- Boly, A., Gillanders R. (2017) 'Effective anti-corruption policy-making: What can we learn from experimental economics?', *PEGNet Policy Briefs*, 9, pp. 29–31.
- Bossaert, D., Demmke, C. (2005) '*Main Challenges in the Field of Ethics and Integrity in the EU Member States*', Maastricht: European Institute of Public Administration.
- Bouville, M. (2008) 'Whistleblowing and morality', *Journal of business ethics*, 81 (3), pp. 579–582.
- Coolidge, J., Rose-Ackerman, S. (1999) '*High-level rent-seeking and corruption in African regimes: Theory and cases*', The World Bank.
- De Graaf, G. (2007) 'Causes of corruption: Towards a contextual theory of corruption', *Public Administration Quarterly*, pp. 39–86.
- De Schrijver, A. et al. (2010) 'Fairness perceptions and organizational misbehavior: An empirical study', *The American review of public administration*, 40 (6), pp. 691–703.
- Della Porta, D., Pizzorno, A., Donaldson, J. (1996) 'The business politicians: Reflections from a study of political corruption', *Journal of Law and Society*, 23 (1), pp. 85–86.
- Demmke, C., Moilanen, T. (2012) '*Effectiveness of ethics and good governance in central administration of EU-27: Evaluating reform outcomes in the context of the financial crisis*', New York: Peter Lang.
- Goel, R., Nelson, M. (2010) 'Causes of corruption: History, geography and government', *Journal of Policy Modeling*, 32 (4), pp. 433–447.
- Hoetjes, B. (1982) 'Corruptie bij de overheid: een bestuurlijk en politiek probleem, sociaal-wetenschappelijk beschouwd', *Vuga*, pp. 76–79.
- Hood, C. (1991) 'A public management for all seasons?', *Public administration*, 69 (1), pp. 3–19.
- Huberts, L. (2010) '*Multi approach in corruption research: towards a more comprehensive multi-level framework to study corruption and its causes*', 38 p.
- Husted, B. (1999) 'Wealth, culture, and corruption', *Journal of international business studies*, 30 (2), pp. 347–350.
- Jain, A. et al. (2002) *The political economy of corruption*, Routledge, T. 2, pp. 329–333.
- Klitgaard, R. (1988) *Controlling corruption*, University of California Press.
- Lee, T. (2018) 'Pernicious custom? Corruption, culture, and the efficacy of anti-corruption campaigning in China', *Crime, Law and Social Change*, 70 (3), pp. 350–352.
- Lipset, S., Schneider, M. (1987) *The Confidence Gap, Business, Labor, and Government in the Public Mind*, Baltimore.
- Maesschalck, J. (2004) *Approaches to ethics management in the public sector: A proposed extension of the compliance-integrity continuum*, Public Integrity.
- Menzel, D. (2014) *Ethics management for public administrators: Building organizations of integrity*, Routledge.
- Molinari, M. (2014) 'A Second-Best Theory of Institutional Quality', *Public Organization Review*, 14 (4), pp. 549–554.
- Mungiu-Pippidi, A. (2011) *Contextual choices in fighting corruption: Lessons learned*, Norwegian Agency for Development Cooperation.

- Mungiu-Pippidi, A. (2014) ‘*The Anticorruption Frontline: The Anticorruption Report*’, Verlag Barbara Budrich, T. 2.
- Putnam, R. Leonardi, R., & Nanetti, R. Y. (1992). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*, Princeton university press.
- Rohr, J. (1978). *Ethics for Bureaucrats: and Essay on Law and Values*, New York: Marcel Dekker.
- Sadigov, T. (2018) ‘Psychological dimension of corruption: How are citizens likely to support anti-corruption policies in Azerbaijan?’, *International Journal of Sociology and Social Policy*, pp. 13–14.
- Sandholtz, W., Koetzle W. (2000) ‘Accounting for corruption: Economic structure, democracy, and trade’, *International studies quarterly*, 44 (1), pp. 31–50.
- Scholl, W., Schermuly, C. (2020) ‘The impact of culture on corruption, gross domestic product, and human development’, *Journal of Business Ethics*, 162 (1), pp. 171–189.
- Tanzi, V. (1998) ‘Corruption around the world: Causes, consequences, scope, and cures’, *Staff Papers*, 45 (4), pp. 570–574.
- Texeira, G. et al. (2015) ‘*Public Governance and Political Corruption: A Framework for Anticorruption Policy*’, OBEGEF-Observatório de Economia e Gestão de Fraude & OBEGEF Working Papers on Fraud and Corruption, 35.
- Tran, N. (2008) *Corruption and human development, Development and Policies Research Center (DEPOCEN)*, Vietnam, Working Paper, 7.
- Treisman, D. (2007) ‘What have we learned about the causes of corruption from ten years of cross-national empirical research?’, *Annual Review of Political Science*, 10, pp. 211–244.
- Trevino, L., Youngblood, S. (1990) ‘Bad apples in bad barrels: A causal analysis of ethical decision-making behavior’, *Journal of Applied psychology*, 75 (4), pp. 378–385.
- Uslaner, E. M. (2004) *Trust and corruption, The new institutional economics of corruption*, Routledge.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 29.12.2023

Статья принята к печати: 15.01.2024

NON-INSTITUTIONAL ASPECTS OF CONFLICT-OF-INTEREST REGULATION: THE ROLE OF TRUST AND INDIVIDUALISM

K. Krikunov

Kristina A. Krikunov, Ph.D. student at Doctoral School of Political Science,
HSE University, Moscow, Russia

E-mail: kristina.krikunov@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-5305-246X. ResearcherID: U-5458-2018)

Abstract

Anti-corruption policy should not only identify the facts of corruption and punish the crimes already committed, but also introduce preventive measures to minimize the risks of corrupt behavior, especially a system of regulating conflicts of interest. The latter includes measures ranging from prohibiting or restricting the receipt of gifts by officials, to introducing a cooling-off period when a civil servant enters the private sector. Generally, all measures of conflict of interest regulations can be attributed to three basic models: compliance-based model, integrity-based model, and adaptation model, which will also be considered in the article. This paper aims to evaluate the effectiveness of conflict-of-interest regulatory models through the prism of non-institutional factors. To this end, data from the World Values Survey was used as a source for this study, specifically data on levels of individualism and trust in society. The results of the multiple regression analysis partially supported the hypothesis that the professional culture model copes better with conflict-of-interest regulation than other models in conditions of high levels of trust and individualism. The results, however, provide a basis for further research to develop a more comprehensive strategy for regulating conflicts of interest based on various external and internal conditions.

Keywords: conflict of interest; corruption; anti-corruption policy; public service; effectiveness of public policy; World Values Survey; multiple regression analysis.